

КРУЖОКЪ.

(Разсказъ по личнымъ воспоминаніямъ).

I.

ВЕРЕТХАВЪ въ 1869 г. изъ Кіева въ Петербургъ, я искалъ изданія, въ которомъ могъ бы работать. Никакихъ литературныхъ знакомствъ у меня не было, хотя я уже много напечаталъ въ «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Вѣстникѣ Европы». Но то были публицистическія статьи, связанныя съ моими университетскими занятіями, а меня сильно тянуло къ беллетристикѣ. На рукахъ имѣлся готовый маленькій разсказъ «У рѣки», и хотѣлось его пристроить.

Вещица была плохонькая, въ полномъ смыслѣ проба пера. Но она имѣла не совсѣмъ общее въ то время достоинство—обработанный языкъ. Кромѣ большихъ авторовъ, писали тогда плохо. Знаніе языка и умѣнье владѣть имъ давались туго, вѣроятно, потому, что мало читали. Помню, какъ въ пятомъ классѣ гимназіи одинъ ученикъ сказалъ другому: «помочи перо»,—и на вопросъ учителя, какъ надо выразиться, только двое изъ всѣхъ догадались, что слѣдуетъ сказать: «помокни». Поэтому даже въ редакціяхъ большихъ и богатыхъ изданій усердно занимались выправленіемъ языка и слога. Теперь даже репортера не будутъ держать, если онъ не умѣетъ правильно писать, а тогда и талантливые беллетристы приносили рукописи съ такимъ стилистическимъ неряшествомъ, что Некрасовъ, Дудышкинъ, Дружининъ прямо изнемогали надъ корректурами.

Въ виду прежнихъ сношеній съ «Отечественными Записками», я направился со своимъ рассказомъ туда, не придавъ значенія переходу журнала отъ Дудышкина въ новыя руки. Конечно, это было большою наивною сторонаю; но мнѣ было только 25 лѣтъ.

Мнѣ назначили прійти за отвѣтомъ чрезъ двѣ недѣли.

Привели меня въ большую комнату, — не то залу, не то кабинетъ, — весьма жидко обставленную плохонькою мебелью (въ извѣстномъ домѣ Краевского, на углу Литейной и Бассейной). За огромнымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣлъ господинъ лѣтъ пятидесяти или больше, крупный, съ густой сѣрой бородой и грубоватымъ, пожалуй, даже злымъ, выраженіемъ лица. Кто такой это былъ, я до сихъ поръ не знаю: можетъ быть, Салтыковъ, можетъ быть, Елисеевъ, можетъ быть, еще кто-нибудь. Я назвалъ себя и свой рассказъ. Господинъ воззрился на меня съ любопытствомъ, которое я призналъ бы лестнымъ, если бы не выразившееся въ его глазахъ уныніе. Поискавъ въ кипѣ рукописей, онъ передалъ мнѣ мою тетрадку.

— Возвращается, — сказалъ онъ.

— Не понравилось? — спросилъ я.

— Не подходитъ.

Онъ продолжалъ съ величайшимъ любопытствомъ меня разсматривать, точно удивляясь, что въ редакцію забѣжалъ такой гусь. И при этомъ слегка раскачивалъ головой, точно хотѣлъ сказать: «Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! И не стыдно вамъ?»

Сконфуженный, я откланялся, не вступая въ дальнѣйшій разговоръ.

Но мнѣ все-таки хотѣлось пристроить куда-нибудь свою рукопись. Тутъ же по дорогѣ я вспомнилъ, что существуетъ новый журналъ «Заря», въ числѣ сотрудниковъ котораго были объявлены очень симпатичныя для меня имена. И я сейчасъ же направился въ Саперный переулокъ, гдѣ помѣщалась редація.

Редакторъ и издатель, В. В. Кашпиревъ, былъ дома. Онъ, впрочемъ, всегда былъ дома, такъ какъ не обладалъ подвижностью и терпѣть не могъ выѣздовъ. Если бъ не его жена, отличавшаяся большою хлопотливостью, то книжки «Зари» навѣрное выходили бы годомъ позже своего срока.

Меня встрѣтилъ красивый блондинъ лѣтъ 35, съ розовымъ лицомъ чисто русскаго типа, ласковыми голубыми глазами и русой бородкой. Во всей наружности его, въ походкѣ, въ мѣшковатомъ и тяжеловѣсномъ складѣ тѣла, въ неторопливомъ разговорѣ, выражалась лѣнивая избалованность, воспитанная гдѣ-то вдали отъ Петербурга, на пережиткахъ крѣпостного права.

«Батюшки мои, да вѣдь это самъ Илья Ильичъ Обломовъ!» невольно подумалось мнѣ.

Дѣйствительно, чтобы вполне воплотить въ себѣ Обломова, Кашпиреву недоставало только нѣкоторой романтической утонченности. И притомъ онъ обладалъ несвойственной Обломову скрытностью. Несмотря на царящую въ каждомъ редакціонномъ кружкѣ сплетню, никто ничего не зналъ о немъ. Передавали другъ другу, что онъ — небогатый самарскій помѣщикъ, заложившій имѣніе, чтобъ издавать журналъ. Но что привлекло его къ этой дѣятельности, какого онъ образованія, былъ ли въ университетѣ, — никто не зналъ. Неизвѣстнымъ оставалось даже, что онъ читалъ, владелъ ли иностранными языками, могъ ли держать корректуру и т. д. Въ литературныхъ вопросахъ онъ, очевидно, понималъ кое-что, но сужденій не высказывалъ, и только иногда сочувственно улыбался и поглаживалъ бороду.

Въ матеріалѣ редакція «Зари», видимо, нуждалась, и мой плохонькій рассказъ былъ охотно принятъ, тѣмъ болѣе, что я не ставилъ жестокихъ гонорарныхъ условій.

Изъ этого послѣдняго обстоятельства, какъ я потомъ узналъ, возникла пѣлая легенда. Въ кружкѣ стали толковать, что появился новый литераторъ, богатый молодой человекъ, который въ деньгахъ не нуждается, нишетъ ради удовольствія, и пр. Уже годъ спустя, Г. П. Данилевскій какъ-то сказалъ мнѣ:

— Ну, теперь мы все разузнали. Капиталовъ-то у васъ нѣтъ. А то вѣдь не вѣсть что толковали про васъ. Хотѣли даже подбить васъ свой журналъ затѣять.

II.

Попавъ такимъ образомъ совершенно случайно въ сотрудники «Зари», я въ теченіе зимы довольно часто посѣщалъ редакціонные вечера по средамъ. Собиралось человекъ пятнадцать-двадцать. Разсаживались въ большой, безпритязательно убранной гостиной, пили чай и разговаривали. Если не было Д. В. Аверкіева, вечеръ проходилъ тихо; если Аверкіевъ присутствовалъ, то вся редакціонная квартира наполнялась шумомъ его необычайно громкаго и хриплаго голоса. При этомъ завязывались споры, довольно скучные и завѣдомо безцѣльные, такъ какъ ни перекричать, ни остановить Аверкіева не было никакой возможности. Потомъ ужинали заливнымъ судакомъ и тушеной говядиной, просто и сытно.

Организаціей этихъ редакціонныхъ вечеровъ завѣдывали жена Кашпирева и лакей Аристархъ. Послѣдній былъ рѣшительно незамѣнимый человекъ и, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, совмѣщалъ въ себѣ артельщика, разсылнаго и дядьки при редакторѣ. Рѣшительно сомнѣваюсь, чтобъ «Заря» могла выходить, а Кашпиревъ вставать съ постели безъ содѣйствія Аристарха.

Главныя же заботы, редакціонныя и домашнія, лежали на С. В. Кашпиревой, рожденной кн. Урусовой. Дѣловитая, подвижная, выносливая, она была какъ будто нарочно создана для такого лѣниваго флегматика, какъ ея мужъ. Вся тяжесть дѣла лежала на ней. Она вела переговоры съ сотрудниками, типографщиками, книгопродавцами, бумажными фабрикантами, всякаго рода кредиторами, и, бесѣдуя со всѣми съ чисто женскою ловкостью, подмаргивая опускавшимися вѣками и выдвигая, какъ щитъ, простодушіе и коммерческую наивность мужа, она довольно удачно проводила утлый издательскій челнъ между подводными камнями безденежья. Не удовлетворяясь «Зарей», она приобрѣла отъ г-жи М. Ростовской дѣтскій журналъ «Семейные Вечера» и издавала его нѣсколько лѣтъ не безъ усилія, добившись даже субсидіи изъ скудныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

И при этомъ занималась домашнимъ хозяйствомъ и нянчилась съ мужемъ и новорожденнымъ младенцемъ. Одинъ изъ частыхъ посѣтителей дома увѣрялъ, будто самъ видѣлъ, какъ С. В. Кашпирева одной рукой качала люльку съ ребенкомъ, а другой торопливо правила корректуру. А. Θ. Писемскій выражался, что у нея «умъ торговый». Въ его устахъ это была цѣнная похвала.

По зимамъ пріѣзжала изъ своей ярославской усадьбы мать Кашпиревой, княгиня Урусова, съ младшей дочерью Вѣрой, и обѣ жили по нѣскольку мѣсяцевъ въ квартирѣ зятя, неизбѣжно присутствуя на редакціонныхъ «средахъ». Повидимому, у нихъ въ Петербургѣ не было своихъ знакомыхъ, и съ пріѣздомъ ихъ составъ редакціонныхъ вечеровъ нисколько не измѣнялся.

Княгиня была скромная, рыхлая старушка, рѣдко съ кѣмъ разговаривавшая и едва ли раздѣлявшая литературные интересы старшей дочери. Княжна Вѣра во многомъ представляла полную противоположность сестрѣ. Красивая брюнетка съ прелестнымъ оваломъ лица, бархатными черными глазами и великолѣпными зубами, она и наружностью, и воспитаніемъ рѣзко выдѣлялась среди немногихъ литературныхъ дамъ, посѣщавшихъ кружокъ. Хорошаго роста, стройная, съ неизмѣнной изящной простотой и ровностью обращенія, она словно вносила въ этотъ типичный петербургскій редакціонный кружокъ деревенскую свѣжесть и какое-то милое отраженіе помѣщицкой усадьбы. Вспоминалась пушкинская Татьяна, слегка подновленная полустолѣтіемъ медленно движущейся культуры...

Княжну привозили въ Петербургъ, разумѣется, для того, чтобы повеселить ее. Но я думаю, что эта цѣль плохо достигалась. Выѣзжать было некуда за недостаткомъ связей; толкаться по театрамъ и наряжаться не позволяли, повидимому, ограниченныя средства. Впрочемъ, въ княжнѣ и не выражалась жажда обычныхъ свѣтскихъ развлеченій. По ея всегдашней веселой оживленности можно было

подумать, что она вполне удовлетворяется жизнью, существовавшей въ домѣ сестры. Только осторожная усмѣшка, скользившая иногда по ея красивымъ губамъ, заставляла догадываться, что къ этой жизни она относится не безъ значительной примѣси ироніи.

Можно было ожидать, что интересная княжна сдѣлается предметомъ общаго ухаживанья. Но и этого не случилось. Единственнымъ молодымъ холостякомъ въ кружкѣ былъ Ѳ. Н. Бергъ—поэтъ, уже переставшій тогда писать стихи. Имѣлись все признаки, что княжна сильно заинтересовала его. Между ними велись длинные разговоры, съ невинными пикировками. Но когда предметомъ флирта является барышня, возникаетъ неизбежный вопросъ о «партии». Полагаю, что на этомъ вопросѣ все и оборвалось.

Какая была дальнѣйшая судьба княжны Вѣры — мы ничего неизвѣстно.

III.

Дѣловитость С. В. Кашпиревой не могла возмѣстить всего того, что необходимо для редактированія серьезнаго журнала съ политической программой, какимъ была «Заря». Кашпиреву хотѣлось, чтобы его изданіе носило ярко выраженный славянофильскій отбѣнокъ. Думаю, что у него это было дѣломъ личнаго вкуса въ томъ смыслѣ, въ какомъ осетрина многимъ нравится больше тюрбо. Надо, впрочемъ, добавить, что къ его наружности, ко всему его облику именно шло — быть издателемъ журнала съ русскимъ направлениемъ. Кстати пришлось и знакомство съ Н. Я. Данилевскимъ, искавшимъ помѣщенія для своего обширнаго труда «Россія и Европа». Это была книга, а не журнальная статья, и она до крайности загрузила и засушила весь первый годъ «Зари»; но зато, бесспорно, сразу же рѣзко очертила направленіе журнала. Къ несчастью издателя, время было мало благопріятное для славянофильства теоретическаго, не подкрашеннаго яркимъ протестомъ противъ бюрократической системы. Изданіямъ Аксакова только этотъ протестъ и открывалъ широкій ходъ въ публику; славянофильство Данилевскаго, чисто философское, отвлеченное, могло заинтересовать только людей кабинетныхъ. Поэтому участь «Зари» даже ближайшимъ ея сотрудникамъ не представлялась въ блестящихъ перспективахъ.

Какъ бы то ни было, предпринявъ журналъ съ серьезной политической программой, Кашпиревъ нуждался въ основательно образованномъ редакторѣ. Подходящимъ человекомъ оказался Н. Н. Страховъ, въ которомъ въ извѣстной степени какъ бы повторялся Н. Я. Данилевскій. Оба они были специалистами по естественнымъ наукамъ, но гораздо больше увлекались философіей, политикой и литературой. Увлекались, вѣроятно, отвлеченно, кабинетнымъ обра-

зомъ, безъ того подъема настроенія, которое цѣнится въ журналистикѣ. И оба органически не умѣли усвоить себѣ обыкновеннаго представленія о скучномъ: они находили, что скучно все несерьезное, и, напротивъ, все серьезное въ высшей степени завлекательно.

Умный, вдумчивый, прекрасно образованный, Страховъ писалъ очень хорошія статьи, на славянофильскія темы, по идеямъ Аполона Григорьева и другихъ эстетиковъ того же направленія. Но это были статьи, до такой степени отдаленныя отъ общественныхъ интересовъ, отъ протестующаго настроенія публики, что ими интересовались лишь немногочисленные кружки книжниковъ. Какъ редакторъ, Страховъ все свое вниманіе обращалъ на то, чтобы журналъ имѣлъ чрезвычайно серьезный видъ, чтобы въ немъ строго выдерживалась программа, заложенная Н. Я. Данилевскимъ. Объ оживленіи изданія онъ не заботился, да по своимъ вкусамъ и по складу своего ума едва ли и могъ бы заботиться. Въ этомъ отношеніи даже Кашпиревъ лучше понималъ запросы публики и обнаруживалъ болыиe отзывчивости и свѣжести.

Любопытно, что, какъ собесѣдникъ, какъ членъ редакціоннаго кружка, Страховъ былъ гораздо живѣе и интереснѣе. Въ немъ сразу чувствовался хорошій, вполне культурный и незлобивый человекъ, съ вдумчивой мыслью и благодушнымъ, но подчасъ ядовитымъ юморомъ. Поглаживая свою широкую сѣдую бороду и подмигивая умными глазами, онъ говорилъ всегда въ насмѣшливомъ тонѣ, коротко и опредѣленно, и тутъ у него являлась бойкость, которая, къ сожалѣнію, покидала его, какъ только онъ брался за перо. Можетъ быть, это происходило оттого, что каляканье съ товарищами представлялось ему дѣломъ неважнымъ, а принимаясь за авторство, онъ сейчасъ же подчинялся страху показаться недостаточно тяжеловѣснымъ.

— Писать надо въ облаченіи, а не съ шапкой набекрень,— говорилъ онъ съ усмѣшкой, которая будто бы противорѣчила его мысли. Но къ этому мнимому противорѣчію уже привыкли.

Понятно, что ни Кашпиревъ, ни его жена, ни редакторъ не могли внести въ кружокъ большого оживленія. Они предпочитали молчать, и заботились больше о томъ, чтобы вызвать на разговоръ гостей. Наибольшее содѣйствіе въ этомъ отношеніи оказывалъ имъ О. Н. Бергъ. Въ немъ чувствовалась молодость, связь съ жизнью, съ обыкновенными человѣческими интересами. Переставъ уже писать стихи, онъ еще сохранялъ нѣкоторое отраженіе поэтическихъ настроеній, принимавшее въ немъ, впрочемъ, довольно странную форму. Въ немъ была своеобразная поэзія «сѣвернаго дворянина». Вологодскіи лѣсъ и вологодская мелкопомѣстная усадьба представлялись ему чѣмъ-то наивысшимъ въ природѣ и человѣчествѣ.

— Вѣдь что же это за жизнь у насъ тамъ!—говорилъ онъ, мечтательно щуря свѣтло-голубые глаза.—Вы только одно представьте

себѣ: передъ каждымъ помѣщичьимъ домомъ идетъ березовая аллея. Чу-у-десно!

И по выраженію его лица видно было, что эти березовыя аллеи вызывали въ немъ загадочное благоговѣніе.

Въ вологодскихъ лѣсахъ сосны стояли могучія, мохнатыя, и напояли воздухъ живительнымъ дыханіемъ; рѣки текли тамъ тоже могучія, многоводныя и студеныя; медвѣди бродили могучіе, лохматые, и мужикъ жилъ могучій, умный, чистый, не зараженный недугами жалкой городской жизни. Словомъ, тамъ скрывался родникъ народной мощи, и съ приближеніемъ лѣта Бергъ устремлялся туда, чтобы глотнуть самому изъ этого родника. Но такъ какъ талантъ у Берга былъ маленькій, то онъ привозилъ оттуда какіе-то маленькіе рассказы, проникнутые наивнымъ лиризмомъ, безъ сюжета, безъ образовъ и, по мнѣнію Кашпиревыхъ и княжны Вѣры,—безъ начала и конца. Эти рассказыки онъ читалъ глухимъ, задыхающимся голосомъ, скандируя свою странную прозу, какъ стихи, и потомъ вставалъ во весь свой огромный ростъ и нѣсколько минутъ ходилъ по комнатѣ.

У себя дома Бергъ любилъ щеголять въ красной рубахѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до нашего знакомства Бергъ сдѣлалъ заграничное путешествіе. Съ очень маленькими средствами онъ прогулялся по нѣкоторымъ германскимъ и швейцарскимъ городамъ и по возвращеніи написалъ для «Зари» рядъ путевыхъ очерковъ. Какъ и все выходившее изъ-подъ его пера, это были очень странныя очерки. Европейская жизнь изображалась въ нихъ съ точки зрѣнія вологодскаго дворянина. Тѣсная, жалкая, мѣщанская жизнь, о которой, очевидно, не стоило бы и говорить, если бы путеводитель не расцвѣтилъ ее историческими и статистическими данными. И авторъ обильно пополнялъ изъ путеводителя скудость своихъ летучихъ наблюденій.

IV.

Наибольшее оживленіе въ редакціонные вечера вносили частые пріѣзды изъ Москвы А. Ѳ. Писемскаго. Авторъ «Тысячи душъ», послѣ разрыва съ «Русскимъ Вѣстникомъ», помѣщалъ свои произведенія по преимуществу въ петербургскихъ изданіяхъ, и пьесы предпочиталъ ставить на петербургскихъ сценахъ. А такъ какъ романы онъ писалъ большіе, и гонораръ ему причитался тоже большою, то обыкновенно требовалась разсрочка, совпадавшая съ временемъ подписки. Поэтому передъ новымъ годомъ Писемскій почти всегда появлялся въ Петербургѣ и недѣли двѣ посѣщалъ редакцію, подлежащую гонорарной отвѣтственности.

Съ Кашпиревыми Писемскій сдѣлалъ большое дѣло еще до появленія журнала. Онъ продалъ имъ свой романъ «Люди сороко-

выхъ годовъ» за 12 тысячъ — цѣна для этого времени огромная. Но и романъ былъ огромный: онъ тянулся почти цѣлый годъ, изъ книжки въ книжку, и такъ какъ былъ не изъ лучшихъ у даровитаго автора, то въ издательскомъ отношеніи не оправдалъ надеждъ. Напротивъ, эта первоначальная затрата легла бременемъ на бюджетъ редакціи и сразу ввела ее въ долги. Писемскій предусмотрительно пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ года и выбралъ изъ подписки недоплаченную ему сумму.

Какъ извѣстно, у Писемскаго въ Москвѣ былъ свой деревянный домъ на Арбатѣ, съ нѣсколькими флигелями. И домъ, и флигеля были выстроены на деньги, полученныя за романы. Онъ такъ и называлъ ихъ: вотъ это — «Взбаломученное море», а это — «Люди сороковыхъ годовъ», и т. д.

Юмористъ въ авторствѣ, онъ былъ такимъ же юмористомъ и въ жизни, и въ разговорахъ. Это не мѣшало ему считать себя крайнимъ ипохондрикомъ и постоянно жаловаться на удручающіе его недуги. Но и жалуясь, и брюзжа, онъ былъ чрезвычайно забавенъ. Всѣ знали, что его болѣзни происходятъ отъ ежедневнаго объяденія, и потому относились къ нимъ больше иронически. А можно было бы пожалѣть его, потому что здоровье его дѣйствительно было разстроено, и хотя онъ умеръ старикомъ, но все-таки рано для своего могучаго организма.

Въ присутствіи Писемскаго капиревскія «среды» значительно мѣняли свой характеръ. Славянскій вопросъ, злоумышленія Бисмарка, подвиги въ Средней Азіи—все это временно устранилось. Аверкиевъ говорилъ вдвое меньше, чѣмъ обыкновенно, и голосъ его на половину понижался. Вниманіе привлекалось къ литературѣ и къ дѣламъ житейскимъ. Въ обѣихъ этихъ областяхъ Писемскій являлся и знатокомъ, и художникомъ. Онъ никогда не «разсказывалъ» нарочно для развлеченія слушателей, и вообще говорилъ немного, съ одышкой, съ костромскимъ выговоромъ и московскимъ растягиваньемъ, но въ каждой его фразѣ сверкалъ крупный, нѣсколько циническій умъ, и привычка думать образами. Онъ былъ бы превосходнымъ соотрапезникомъ героевъ Рабле...

Писемскій охотно читалъ вслухъ, въ особенности свои комедіи. Послѣ его мастерскаго чтенія, лучше было не смотрѣть пьесу въ театрѣ: актеры не умѣли дать дѣйствующимъ лицамъ такой характерной, сочной интонаціи, какую давалъ авторъ. Самобытный, самородный и умный художникъ слышался въ каждой его фразѣ. Видѣвшіе его въ любительскихъ спектакляхъ говорили, что онъ превосходно игралъ главное дѣйствующее лицо въ своей первой драмѣ «Горькая судьбина».

Надо было пожалѣть, что знакомства съ Писемскимъ не искали молодые авторы: онъ умѣлъ удивительно ясно, въ двухъ словахъ, опредѣлять приемы авторства и законы беллетристической архи-

тектуры. Для начинающих писателей эти указанія и откровенія не могли не быть въ высшей степени полезными.

Но Писемскій оставался въ Петербургѣ обыкновенно недолго, и съ отъѣздомъ его редакціонные вечера утрачивали значительную часть своего интереса. Разговорами овладѣвала политика. Но то была политика глухого реакціоннаго времени, отрѣшенная отъ интересовъ текущей жизни. Тѣхъ вопросовъ, какими мы увлекаемся теперь, не было въ поминѣ. Не ждали ни преобразованій, ни проявленій общественной самодѣятельности. Вся внутренняя политика сосредоточивалась на вводимой графомъ Д. А. Толстымъ системѣ классическаго образованія и на глухой борьбѣ, происходившей въ нѣдрахъ правительства. Новые люди захватили позиціи дѣятелей эпохи великихъ реформъ и мало-по-малу раздѣляли ихъ историческое дѣло. Д. А. Милютинъ съ трудомъ отстаивалъ свое вліяніе; противъ него уже выступилъ, поддерживаемый аристократическими сферами, союзъ недовольныхъ генераловъ—князя Барятинскаго, Р. А. Оадѣва и, по какому-то недоразумѣнію, М. Г. Черняева. Враги преобразованій 60-хъ годовъ понемногу оттягивали правительство назадъ, и если реакція не приняла стремительнаго хода, то это происходило не отъ недостатка стараній со стороны новыхъ дѣятелей.

При такомъ ущербѣ для общественныхъ интересовъ внѣшняя политика представлялась гораздо болѣе занимательною. Разговоры принимали тотъ характеръ, какой они имѣли въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Россія опять разсматривалась, какъ могущественная военная держава, и быть такою державой казалось цѣлью ея существованія. Ей предназначалось рѣшеніе двухъ величайшихъ задачъ—освобожденіе славянъ отъ турецкаго и австрійскаго ига, и побѣдоносный выходъ изъ неминуемой смертельной схватки между двумя мірами—русско-славянскимъ и германскимъ. А такъ какъ въ то время разыгралась франко-прусская война при благожелательномъ для Пруссіи нейтралитетѣ Россіи, то не было конца соболѣзнованіямъ о близорукости нашего правительства и бездарности нашихъ дипломатовъ. Бисмаркъ окончательно сдѣлался «властителемъ думъ», и никто не хотѣлъ допустить, чтобы въ коварной душѣ его не зрѣли самые злокозненные умыслы противъ Россіи и славянства.

Военную часть національной программы развивалъ преимущественно только что переведенный въ Петербургъ изъ Ямбургскаго полка В. В. Крестовскій. Его считали больше романистомъ, чѣмъ стратегомъ, и къ военному авторитету его относились безъ особеннаго довѣрія; но это не охлаждало его убѣжденности въ рѣшительной непобѣдимости русской арміи. Что мы должны блистательно разбить нѣмцевъ по всей линіи, казалось ему до того неизбѣжнымъ, что всякое сомнѣніе невыносимо волновало его милѣйшее и незлобивѣйшее сердце. А это было какъ разъ послѣ Седана...

Говорятъ, армія должна быть увѣрена въ своей непобѣдимости; однако въ наши печальные дни невольно думается, что такая увѣренность иногда даетъ и отрицательные результаты...

V.

Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно изобразить въ самомъ привлекательномъ видѣ этотъ первый литературный кружокъ, съ какимъ мнѣ довелось сблизиться въ Петербургѣ. Но по совѣсти долженъ сказать, что эти почтенные люди, вполнѣ заслуживавшіе уваженія и сочувствія, страдали однимъ кореннымъ недостаткомъ: они были скучны. Не сами по себѣ, а по какой-то обязательной манерѣ думать и разговаривать, которой они подчинялись, какъ только сходились вмѣстѣ. Скука была чѣмъ-то въ родѣ вицмундира, который очень милые и интересные люди напяливали на себя, отправляясь на редакціонный вечеръ. И, собравшись въ вицмундирахъ, они уже сразу закисали.

Любопытный примѣръ того, какъ дѣйствовала редакціонная атмосфера, представлялъ тотъ же Крестовскій. Онъ былъ моимъ товарищемъ по гимназій, у насъ были общіе знакомые, я видѣлъ его часто въ другой обстановкѣ—и не могъ не изумляться, до какой степени онъ мѣнялся, попадая къ Кашпиревымъ. Веселый, жизнерадостный, увлекающійся, онъ въ кружкѣ «Зари» тотчасъ терялъ свои свойства и погружался въ такую мрачную серьезность, что со стороны даже забавно было смотрѣть. Во всякомъ другомъ обществѣ онъ шутилъ, ухаживалъ, пѣлъ какія-то нелѣпыя, но чрезвычайно смѣшныя вещи, декламировалъ стихи, рассказывалъ чудовищные анекдоты. У Кашпиревыхъ онъ морщилъ брови, тербилъ усы и съ ожесточеніемъ доказывалъ, что Бисмаркъ даже во снѣ думаетъ только о томъ, какъ бы насъ всѣхъ проглотить.

— Чего это ты?—спросилъ я его послѣ перваго вечера въ редакціи.

— А ты не стрекози,—огрызнулся онъ на меня.—Посадили тебя между Страховымъ и Аверкіевымъ,—ну, и разговаривай о Бисмаркѣ.

Къ сожалѣнію, атмосфера кашпиревскихъ «средъ» вліяла не на одни только разговоры. Втягиваясь въ притязательную серьезность кружка, Крестовскій все дальше уходилъ отъ своего призванія романиста. Беллетристика стала казаться ему вздоромъ, которымъ стыдно заниматься зрѣлому человѣку. И онъ сталъ писать исторію уланскихъ полковъ. Сперва написалъ громаднѣйшій томъ исторіи Ямбургскаго полка, потомъ такой же томъ исторіи гвардейскаго Уланскаго. И онъ очень сердился, когда я говорилъ ему, что отдалъ бы обѣ эти исторіи за одинъ его хорошенькій рассказъ изъ жизни Западнаго края.

— Ты все стрекочишь,— ворчливо повторялъ онъ свой любимый упрекъ.

Забросить беллетристику Крестовскій, впрочемъ, не могъ, потому что она давала ему денежныя средства. Но кашпиревскіе вечера навели на него совсѣмъ несвойственную ему угрюмость, и этотъ оттѣнокъ уже навсегда сохранился у него и замѣтно отразился на его дальнѣйшихъ произведеніяхъ.

Надо замѣтить, что мрачное настроеніе кружка было связано съ общимъ положеніемъ дѣла. Крупные писатели, сошедшіеся въ этомъ кружкѣ, болѣе или менѣе пострадали отъ новыхъ теченій въ литературѣ и обществѣ. Всѣ они имѣли свою долю личной обиды въ движеніи того времени. Когда-то они были героями дня, за ними бѣгала толпа, ихъ имена считалась любимыми, притягательными—и вдругъ выступили новые люди, восторжествовали новые вкусы, и старые кумиры оказались какъ бы въ почетной отставкѣ. Писемскій разошелся съ движеніемъ своимъ романомъ «Взбаломученное море», А. Н. Майковъ почувствовалъ охлажденіе публики къ его выступленіямъ на литературныхъ вечерахъ. Я. П. Полонскій испыталъ ту же участь, Ф. М. Достоевскій не удержалъ своего мѣста во главѣ протестующей молодежи. Въ то же время замолчали, въ недоумѣвающей и оскорбленной позѣ, Тургеневъ, Гончаровъ, Тютчевъ, Фетъ. Болѣе молодые писатели стараго направленія невольно воспринимали ихъ обиду и наполнялись враждебнымъ чувствомъ къ движенію, опрокинувшему любимые кумиры и воздвигшему новыхъ божковъ...

Страховъ былъ уязвленъ равнодушіемъ публики и критики къ его эстетическимъ идеаламъ. Бергъ, когда-то съ успѣхомъ выступавшій на литературныхъ вечерахъ, долженъ былъ стушеваться, когда распорядителями этихъ вечеровъ явились новые люди. Крестовскій также разошелся съ этими новыми людьми, и въ то же время пережилъ тяжелую личную драму, изъ которой нашелъ необычайный выходъ, поступивъ юнкеромъ въ уланскій полкъ. Г. П. Данилевскій былъ, повидимому, пораженъ тѣмъ, что оказался не принадлежащимъ ни къ какому кружку, ни въ какой партіи, ни къ какому поколѣнію. Обстоятельство это явно удручало его, какъ актъ грубой несправедливости. Ко всякому занѣмавшемуся литературной критикой онъ обращался съ однимъ и тѣмъ же притязаніемъ:

— Почему никто не пишетъ обо мнѣ? Я вовсе не добиваюсь, чтобъ меня хвалили; я только объ одномъ прошу: поставьте меня на мѣсто!

Данилевскій, котораго не надо смѣшивать съ его однофамильцемъ-славянофиломъ, занималъ официальное мѣсто и считался источникомъ политическихъ новостей. Но едва ли не больше онъ интересовался новостями частнаго характера, и считался неисто-

щимъ вѣстовщикомъ въ области кружковыхъ отношеній, недоразумѣній, ссоръ, примиреній и т. п. За такую слабость ему сильно доставалось отъ Н. С. Лѣскова, который самъ былъ зараженъ такимъ же безмѣрнымъ любопытствомъ къ частнымъ дѣламъ. На этой почвѣ возникали анекдоты, иногда весело, а иногда и не совсѣмъ пріятно разнообразившіе кружковую жизнь.

Такимъ образомъ, всѣ постоянные посѣтители кашпиревскихъ раутовъ были болѣе или менѣе недовольны сложившимся положеніемъ дѣлъ. Вполнѣ естественно, что это придавало имъ оттѣнокъ унылаго раздраженія и накладывало на ихъ разговоры печать брюзжанія. И вдобавокъ, каждый зналъ, что дѣла журнала идутъ далеко не блистательно.

VI.

Устраненный отъ общественнаго движенія, кружокъ погружался въ политику. Но я уже говорилъ, что тогдашняя внутренняя политика представляла чрезвычайно слабый интересъ. Вся она сводилась къ тягучей борьбѣ бюрократіи съ либеральными мнѣніями и съ поползновеніями къ общественной самостоятельности и самодѣятельности. Цензура систематически давила живое слово, классицизмъ вводился не какъ основа гуманнаго образованія, а какъ противоядіе реальнымъ запросамъ жизни; ревниво преслѣдовались проявленія земской и судебной самостоятельности, ограничивалось развитіе земскихъ школъ и раздувалось ужасное значеніе оправдательныхъ приговоровъ.

Ложное положеніе, въ какомъ очутилась старая литература, заставляло ее примыкать къ бюрократіи. Это опредѣлялось рядомъ любопытныхъ недоразумѣній. Затаенный общественный протестъ не встрѣчалъ сочувствія потому, что напоминалъ бурное движеніе, опрокинувшее литературные авторитеты. Въ земствѣ и въ новомъ судѣ чувствовался тотъ же духъ заносчиваго разночинца, непочтительнаго къ талантамъ и равнодушнаго къ эстетикѣ. Въ классицизмѣ Майковъ видѣлъ средство заинтересовать юношество классической поэзіей, близкой его душѣ. Словомъ, все само собою складывалось такимъ образомъ, что старая литература, вынесшая на себѣ первую волну возрожденія, разошлась съ движеніемъ и болѣе или менѣе явно сближалась съ реакціей.

Такъ какъ самыми ранними гостями на редакціонныхъ «средахъ» обыкновенно были Страховъ и Аверкіевъ, то разговоры шли сначала метафизическіе. Страховъ заявлялъ, что у Н. Я. Данилевскаго есть мысль, которую не замѣтили по ея неизреченной глубинѣ. При словѣ «глубина» Кашпиревъ начиналъ блаженно улыбаться и поглаживать бороду: все глубокое имѣло свойство какъ бы щекотать его.

— Удивительная мысль! — произносил онъ, вслушиваясь въ объясненіе Страхова и усиленно сопя.

— А у насъ, вотъ, съ Гегелемъ возятся,—укоризненно вставляя Аверкіевъ, да такъ громко, что редакціонныя дамы вздрагивали. — Шекспиръ, это другое дѣло. У Шекспира есть мысли, какихъ у десяти Гегелей не найдете. Въ «Королѣ Лирѣ», напримѣръ...

— Чу-у-десно! — вырывалось у Берга съ размахистымъ движеніемъ руки. — Вѣдь какъ это онъ... а-ахъ!

Приходилъ Майковъ и говорилъ, что Шекспира портятъ комментаторы.

— Его надо читать съ дрожью вдохновенія, а не съ подстрочными примѣчаніями,—высказывался онъ.

— Чу-у-десно! — подхватывалъ Бергъ и, замѣтивъ въ дверяхъ силуэтъ княжны Вѣры, направлялся навстрѣчу.

Кашпиревъ грузно поворачивался въ креслѣ.

— Какой позоръ эта франко-прусская война! — вдругъ произносилъ онъ. — Двѣ просвѣщеннѣйшія націи...

На губахъ Страхова обозначалась язвительная улыбка.

— А въ какомъ смыслѣ, Василій Васильевичъ, вы называете ихъ просвѣщеннѣйшими націями? — спрашивалъ онъ тихонькимъ голосомъ. — Это вѣдь можно разное понимать, хи-хи..

И запивалъ свое скромное хихиканье глоткомъ чаю.

Майковъ опускалъ голову, и коричневый лобъ его морщился складками. Это означало, что мысль его ловитъ нѣчто глубокое.

— Мы еще не скоро поймемъ послѣднее слово этой войны,—говорилъ онъ, протягивая руки съ длинными пальцами. — Въ ней еще скажется то, что сейчасъ еще не видно намъ. Историческій приговоръ надъ всей западной цивилизаціей.

— Почему же не видно? Это ясно видно! — вскрикивалъ Аверкіевъ. — Франко-германская исторія началась Карломъ Великимъ, которой топилъ славянъ въ Эльбѣ и Одерѣ...

И на нѣкоторое время разговоръ переходитъ къ войнѣ, къ Бисмарку и къ неминувости германо-славянскаго столкновенія.

Подъѣхавшій Крестовскій торопливо отстегивалъ саблю и возвѣщалъ, подергивая головой:

— Теперь ближайшею европейской войной будетъ наша война съ Германіей. И она обратится въ войну двухъ міровъ — славянскаго и германскаго. Войну на жизнь и смерть!

— Но славянскій міръ еще не готовъ къ этому, — замѣчалъ Страховъ. — По мысли Данилевскаго...

— Да, намъ надо начать съ восточнаго вопроса,—вмѣшивался Майковъ. — Когда мы будемъ стоять на проливахъ...

Разговоръ о проливахъ продолжался долго.

Въ одиннадцать часовъ появлялся Г. П. Данилевскій изъ редакціи «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ онъ читалъ корректуры

— Не знаете новость?—стремительно обращался онъ ко всѣмъ.— Завтра выходить предостереженіе «Голосу».

Извѣстіе вызывало общее возбужденіе. Но никому, повидимому, не жаль было ни Краевского, ни его газеты. Сведенной съ позиціи литературѣ, можетъ быть, даже нравилось, что есть еще другая сила, кромѣ той, отъ которой она пострадала...

— Какая жизнь прежде была!—вдругъ неожиданно восклицалъ Бергъ. — Дворянскія усадьбы, березовыя аллеи... И все прахомъ пошло!

Такъ, обмѣниваясь мыслями и чувствами, бесѣдовали постоянные посѣтителы редакціонныхъ вечеровъ, и, повидимому, имъ не было скучно.

Но дѣла «Зари» шли на убыль. Не помогли ни твердая постановка славянской программы, ни безконечные «Люди сороковыхъ годовъ» Писемскаго, ни слабенькій романъ Достоевскаго «Вѣчный мужъ», ни умненькія статейки Страхова. Уныніе все болѣе овладѣвало кругомъ, хорошо помнившимъ, какъ недогадливая редакція напечатала стихотвореніе В. П. Буренина съ коварнымъ акростихомъ: «Заря Кашпирева умираетъ». Это стихотвореніе, злодѣйски подписанное именемъ Фета, прозвучало, какъ похоронный ударъ колокола...

Въ одинъ скверный зимній день Кашпиревъ, выйдя противъ обыкновенія изъ дому, поскользнулся и сломалъ ногу. Кажется, ему сдѣлали неудачную перевязку. Болѣзнь осложнилась, потребовалось вызвать вторичное сращеніе костей. Призванный на помощь д-ръ И. М. Барчъ поставилъ Кашпирева на костыли и предписалъ умѣренное движеніе. Повидимому, пациентъ плохо исполнялъ предписаніе.

Послѣ продолжительныхъ страданій Кашпиревъ умеръ.

Кругокъ распался, и «Заря» прекратилась.

В. Авсѣенко.

